

Игорь Шестков "Пациент тридцать пять"

ПАЦИЕНТ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Слова отправляют нас в погоню за химерами.

Витгенштейн

Шли мы... моя подруга Лили и я... по улице Кастаниенштрассе в Берлине.

Вечером. В апреле.

В гости направлялись, к старинным друзьям, госпоже Рисс и ее сожителю, искусствоведа, написавшему когда-то статью о моей фотовыставке. Госпожа Рисс любила устраивать домашние «тематические вечера». Сегодня нас должны были осчастливить рассказом о России и «русским ужином». Замечательно!

Шли мы медленно, не хотели являться раньше назначенного времени. Молчали.

А вокруг болтали и носились как падающие звезды в августе – озабоченные какими-то важными делами молодые люди. Студенты. Наверное, искали кафе, где капучино подешевле... или девочки поразвязнее... где можно получше отвязаться, оторваться и закумарить...

Подчеркнутая их учтивость по отношению к нам, двум хромящим в их беспокойной толпе клячам, освещала высокую гранитную стену между нашими мирами даже лучше, чем это бы сделало откровенное хамство. Да-да, их путь лежал в «стекло и бетон», в университеты, банки и могущественные корпорации по обе стороны Атлантики и Тихого океана, а наша скорбная дорога уводила нас все дальше и дальше, как беззубого Лао, в безводную пустыню старости.

О существовании этой, дополнительной ко всем другим преградам, размежёвывающим наш бедный мир, стены между старыми и молодыми, я конечно знал. Но одно дело знать, совсем другое – увидеть ее воочию или ощутить ее присутствие телесно. Именно это произошло со мной, когда я, в первый и последний раз пришел в гости к моей младшей дочери, не позвонив заранее. Мне долго не открывали, из квартиры не доносилось ни звука (умный бы ушел, но я как всегда был так занят нахлынувшими непонятно откуда

мыслями, что этого многозначительного молчания не понял). Потом дочь открыла мне, пропустила меня в прихожую, и заявила холодно: Папа, у меня гости!

Слова эти были как будто выпилены из гранита.

Я все еще ничего не понимал... приоткрыл дверь в ее гостиную и заглянул внутрь. Там стоял длинный накрытый стол, за которым сидели человек двенадцать гостей. Лица их были скрыты одинаковыми неприятными масками. Все они молча смотрели на меня через узкие прорезы на глазах сардонически улыбающихся паяцев.

Мне стало жутко, я закрыл дверь, кивнул дочери, погладил ее по плечу и ретировался. А когда вышел из ее дома... ощутил спиной холод оставшейся позади меня, и делающейся все выше и выше каменной стены... Стены, почти такой же высокой, как стена между богатыми и бедными.

...

Как раз перед поворотом на площадь Ционскирхплатц, я заметил стоящие у входа в дом с претензией на югендстиль – грязные сапоги на высоких сточенных каблуках. Трехцветные. Кожаные. С пряжкой и шпорами. Они стояли там так, как будто кто-то поставил их как... предупреждение... или напоминание.

Через пять минут подошли к дому наших знакомых... напротив церкви.

Позвонили... Нам ответили и открыли ворота. Прошли через арку во внутренний дворик. Когда звонили снизу в квартиру, я заметил, что перед подъездом на брусчатке стоят точно такие же сапоги, поблескивая пряжкой и шпорами, как там, на Кастаньенштрассе. И опять, как мягкий водяной удар в мозг, пришла мысль: Это знак... Напоминание. Напоминание о чем? Кто носил такие сапоги? Ты? Нет. Терпеть не могу сапогов. С тех пор, как на картошке ноги ими стер до крови. Потому что не умел и не хотел портянки мотать. В носках ходил. И стер. Размышлять и углубляться в воспоминания не стал... дело прошлое...

Ну стоят себе эти дурацкие сапоги и стоят...

Но почему же ты их помнишь?

Как пассаж из давно прочитанной и забытой книги. Вскочит в голову и гвоздем не выбьешь.

Забавная aberrация памяти? Или предвестник подступающего слабоумия?

Если на каждую мелочь время тратить...

...

Пришли мы вовремя, и как всегда – первыми. Неловко.

Потихоньку подошли и другие гости. Перечислю их в порядке появления, как запомнил.

Старый, отошедший от дел политик, владелец огромной коллекции солдатиков времен Третьего Рейха. Звали, его кажется Карл. Он то и дело кряхтел и багровел. Своей мимикой Карл как бы говорил: Все знаю лучше вас. Но молчу, потому что объяснять что-то идиотам бесполезно. Или не поймут, или извратят. Вот в мое время...

Модная стареющая писательница, коротковолосая, эмансипированная, чрезвычайно уверенная в себе, родом из Гамбурга, госпожа... Последний ее бестселлер назывался так: «Чернокожий друг одинокого северного мартилуса». Спрашивать, что такое «мартилус» я у нее не стал. Позже эта книга попала в мои руки. Полистал. И сразу понял, что речь в ней идет о драматическом романе пожилой миллионерши с юным беженцем из Сенегала, красавцем и разгильдяем. Ай да мартилус!

Молодая (около пятидесяти) художница Эмили. Показывала мне свой каталог... а в нем какие-то слоники. Слоник красный и слоник синий. Большой и маленький. С бивнями и без. Говорила, что слоны для нее – «не только животные, но и божественные субстанции, иероглифы праязыка, на котором написан исконный, до сих пор не найденный археологами, текст Книги Тота, отрывки из которой непонятно как попали в руки этому негодяю и шарлатану, Алистеру Кроули»...

Я жалею животных, но не люблю их. Что-то в них есть шизофреническое. Дьявольская пародия на людей. Слонов вблизи мне показывал в цирке на Ленинских горах знакомый сосед-ветеринар. Неприятные, грязные звери. Грязными они были потому, что этиловый спирт, который выдавали ветеринару на гигиенические процедуры, тот хладнокровно выпивал или обменивал на стройматериалы для дачи, которую строил лет пять. Но так и не построил. Потому что сел в дурдом за убийство жены. Куда ему кстати, несмотря на все запреты, приносили спирт друзья-циркачи.

– А помыть зверей можно и водопроводной водичкой, даже лучше, нечего на них спирт тратить, – повторял ветеринар, закусывая ветчиной, которую поменял все на тот же спирт у знакомого мясника на Ленинском.

Седой, но моложавый режиссер-документалист с звонкой двойной фамилией. Снял душераздирающий фильм о детях Чернобыля. Побывал и в Африке (его фильмы о гиенах и тамошних свалках электроники получили такие-то и такие-то премии). Недавно вернулся из России, в которой хотел сделать фильм о бездомных детях Санкт-Петербурга и Эрмитаже. Но не получил на это разрешения у городских властей. Собирался рассказать нам о своих похождениях в подземном мире Санкт-Петербурга и бюрократических коридорах путинской власти. В его честь госпожа Рисс и устроила «русский ужин».

Скульптор Альфред, зарабатывающий деньги изготовлением надгробных памятников, а в свободное время делающий малую эротическую пластику, медальки, фигурки. Несколько его работ стояли на старомодном комодике госпожи Рисс. Они были похожи на нэцкэ, но сделаны были гораздо топорнее. Рядом с ними несли вахту – маленький «Мыслитель» Родена и саксонский оловянный солдат с алебардой (подарки Карла). Альфред был ненавистником русских, потому что пережил в раннем детстве нечто ужасное... Ударом приклада пьяный советский солдат раздробил ему кости пальцев левой руки. А он мечтал якобы стать пианистом. Госпожа Рисс, впрочем, рассказала мне, что история эта вымышленная. Что никто ему кости в детстве не дробил, а вот во время обучения надгробному ремеслу руку ему действительно прищемил тяжелый памятник Советскому Солдату, каких много поставили в Восточной Германии после войны. И Альфред долго страдал и не мог работать, и был так зол на памятник, что придумал историю с пьяным солдатом.

Вальтер, чиновник, работающий в правительстве Меркель. Кажется, голубой, но скрывающий это. Волосы бобриком. Усики. Неопределенного возраста.

Импозантен, вальяжен, но подчеркнуто скромно. Почти не говорил, но пельменей съел больше всех. Рассказал неприличный русский анекдот про черную икру, дробь и Бобика.

И, наконец, самый странный гость – гипнотизер, говорящий на неизвестном мне

диалекте немецкого, господин Валентин. Непонятный человек, с непонятным взглядом, непонятным возрастом и непонятным гражданством. Он был так худ, что на него было страшно смотреть. Во время ужина он не проронил ни слова.

...

Если бы молодой и неопытный коллега-писатель попросил бы у меня совета... как писать лучше? Только ОДНОГО совета, дабы не усложнять дело...

Вряд ли такое случится, молодые, как впрочем и не очень молодые писатели, уважают только известность и успех... и ни в каких советах аутсайдеров не нуждаются...

Но если бы все-таки это случилось, я бы, похмыкивая и причмокивая, пробурчал: Избегайте, по возможности, перечислений. Ничто другое так не утомляет читателя и не дает ему меньше, чем перечисления. Перечисления еще хуже чем плеоназмы... с которыми тоже надо обращаться крайне деликатно.

Сам я, как видите, пренебрег выше этим мудрым правилом и перечислил гостей госпожи Рисс. Некоторых удостоил двенадцатью строчками, а на других и четырех не потратил. А по-хорошему о каждом из них стоило бы написать отдельную книгу. Проанализировать постоянно мутирующую и мимикрирующую психологическую конструкцию их «я», заострить внимание на удивительных превратностях их судеб... По сути построить громоздкую структуру... из тех же перечислений, только закамуфлированных словесными джунглями, пресловутым «бутаном».

Но... все эти лианы и колючки, цветы и стволы, и ветки, и веточки, все эти словесные заросли, как ни старайся, – все равно остались бы фантазией.

Только глупый читатель думает, что писатель что-то знает о своих героях. Нет, увы, ничего он о них не знает. И чем многословнее книга, тем больше в ней бессовестных выдумок. Поэтому я, представляя читателю моих героев, ограничиваюсь обычно даже не верхушкой айсберга, а только абрисом этой верхушки... тем, что видел сам... или тем, что подсмотрел мой, снабженный специальными волшебными очками, фиктивный автор-рассказчик.

Хотя, конечно и я мог бы добавить кое-что - для оживляжа - и из нижней, невидимой части айсберга. Упомянуть например, что вышеописанный владелец коллекции солдатиков... Карл... еще в семидесятых... чуть не загремел в

тюрьму... после скандального разоблачения так называемого «круга» европейских политиков, состоящего кажется из более чем тысячи трехсот человек, много лет обменивающихся фотографиями голых детишек, занимающихся с взрослыми дядями и тетями различными нежелательными для их психического и физического здоровья играми.

Или заметить вскользь, что стареющая писательница из Гамбурга не всегда была стареющей, модной и обеспеченной... в юные свои года бедствовала и должна была одна, без помощи родителей, эгоистов и алкоголиков, пробиваться и зарабатывать на жизнь... Пять лет! Пять своих юных, таких чувствительных и важных лет, она проработала уличной проституткой. И еще три года отпахала в борделе, где ее, уже больную и испорченную, и нашел один богатенький старичок, любитель поникших вишен, занимающийся «инвестиционными проектами» в бедных азиатских странах и в Африке. Неутомимый труженик и ненасытный любовник. Будущая писательница, которую он сделал своей содержанкой, даже подозревала, что тут не все чисто... что он использует какие-то тайные китайские пилюли, изготавливаемые, как говорят, из рогов белых носорогов, проживающих в пещерах и джунглях Индостана. Невероятных трудов стоило ей убедить его в конце концов упомянуть ее в своем завещании. И что удивительно! Как только старичок-инвестор – официально и нотариально – изменил в ее пользу завещание, буквально через несколько дней... он скончался от алкогольного отравления. Перепил «Пикадора». Сердце не выдержало... и уже через год будущая наша писательница жила не в маленькой однокомнатной квартирке в сером блочном доме в Йенфельде, а в шикарных апартаментах в Бланкенезе. С видом на Эльбу, бассейном в подвале и небольшим розарием. Да-с, и слоники художницы Эмили попали в ее каталог не случайно... и сдается мне вовсе не потому, что были «божественными субстанциями и иероглифами праязыка», а потому что... тут, впрочем, я замолкаю... оставим чудовищную тайну этой женщины не раскрытой... так будет лучше... для всех нас.

А вот о нашем скульпторе, ненавистнике русских, кое что написать просто необходимо. Несмотря на более чем солидный возраст, Альфред все еще регулярно посещал известный берлинский садо-мазохистский салон «У розового Прометей». И каждый раз просил его директоршу, знаменитую в шестидесятых

годах домину Гильду, подобрать ему для флагеллантских забав «русскую девочку помоложе и без грудей», что та и делала. Благо подобного товара в Европе завались, а платил Альфред хорошо. После долгой и мучительной порки плетью Альфред обычно расчувствовался... на коленях просил у измученной девушки прощения, плакал и зализывал ей окровавленные следы своего неистовства языком. В этом и заключалось его главное наслаждение. Следует отметить, что Альфред был, пока его жена не умерла, добрым и верным мужем, а после ее смерти – щедрым и заботливым отцом и дедушкой.

Подводная часть жизни чиновника Вальтера не была посвящена исключительно гомосексуальным исканиям и почему-то всегда сопутствующим им драмам.

Вальтер был одним из создателей виртуальной криминальной империи.

Невидимой для обывателя и коллег в Бундестаге организации хакеров, занимающейся заказными убийствами. Только не людей, а репутаций.

И о гипнотизере я бы с удовольствием что-то рассказал... но... нечего. Этот человек представляется мне черной дырой. Он как бы поглощал все, что оказывалось с ним рядом... даже свои собственные слова и поступки.

Да, совсем забыл... главное действующее лицо вечера, режиссер-документалист, был одним из поставщиков ювенальных фотографий и коротеньких фильмов тому самому «кругу» политиков. В его фильме о чернобыльских детях нет, конечно, ничего клубничного... Три года тюрьмы сделали его осторожным.

...

Рассказывал о своих злоключениях в России документалист минут сорок. Часто пожимал плечами и вздыхал... Почему-то вопросительно и осуждающе смотрел на меня. Как будто я был виноват в том, что миллионы бездомных кочуют по России, и что ему не дали разрешения на съемки. Несмотря на то, что я почти 30 лет прожил в Германии, для аборигенов я все еще «русский», ответственный за все гнусности России, таким и помру.

Мне было трудно сдерживать зевок. Ничего нового или хотя бы свежего я не услышал. Ленинградский подземный и чердачный мир бездомных и воров мне знаком не был, но с похожим на него, московским миром я сталкивался в моей прошлой жизни не раз. Неизбежные препятствия, которые встали на пути к фильму, которые избалованному успехом европейцу представлялись

бессмысленным и абсурдным кошмаром, – для меня имели ясный и хорошо знакомый смысл. Во всех описываемых документалистом сценках я узнавал проявления родной советчины... разумеется с поправкой на новые реалии. Я понимал то, очевидное, что документалист не был в состоянии понять – отказы в разрешении на съемку со стороны российской бюрократии были мотивированы вовсе не заботой «о детях», «о картинах», «о безопасности», «о зрителях, которым будут мешать киношники», отказы эти вообще не имели рациональной мотивации... Даже не были скрытым вымоганием взятки. Они были органичной частью идеи русского мира, империи, Третьего Рима...

Не разрешаем и все!

ВСЕ!

А-то каждый захочет снимать.

Мы тут хозяева. Наши бездомные, наши картины!

Не разрешаем.

И бычьи взгляды потомственных дебилов.

Помню, в начале двухтысячных приехал в Москву и сейчас же отправился в любимый со студенческой поры Пушкинский музей, в гости к святому Себастьяну Больтраффио, Артаксерксу Рембрандта и гогеновской Жене короля... Прихватил с собой свой Никон и щелкал и щелкал в полупустых залах. Особенно долго возился у небольшой картинки «Несение креста» Михеля Зиттова, давно мечтал сравнить эту превосходную работу с очевидно родственными ей изображениями Босха. Из-за световых рефлексий фотографировать работу Зиттова было нелегко. Пришлось повозиться. Мои старания не остались без награды... Какая-то бабка, явно не музейного вида, оторвалась от своей экскурсионной группы, подошла ко мне, схватила меня когтистой лапой за рукав и попыталась оттащить от картины... при этом вполне державно шипела: Нечего тут наши картины фотографировать... понаехали из европ жиды и немцы... у себя фотографируйте...

...

После рассказа об ужасах питерских подземелий и бессердечных российских бюрократах все задавали документалисту вопросы.

Писательница-Мартилулус спросила, свободна ли от цензуры литература

эротического направления в современной России. Документалист еще не успел ответить, как плохо слышащий скульптор, тот, с раздробленными костями, не поняв толком, о чем идет речь, прорычал: Свободна-то она, может быть и свободна, но ни новых Толстых, ни Достоевских, ни Чеховых там почему-то нет. Неприветливо глянул в мою сторону и спросил, полны ли российские магазины товарами.

– Товаров много, но денег у простых россиян нет.

– На ракеты у них деньги всегда есть. И на дворцы и яхты для «новых русских». Искусствовед спросил: Что же эти бездомные дети, там, в подвалах и в канализации едят?

– Воруют что и где могут... Их ловят как бездомных собак и сажают в колонии. Они бегут оттуда. Потому что там еще хуже чем на чердаках и в подвалах. Старшие дети и воспитатели мучают и избивают младших.

Чиновник Меркель спросил, имели ли немецкие киношники рекомендательные письма от Бундестага или других солидных организаций. На что получил ответ – да, имели.

– Неужели и это не помогло?

– Нет.

– Что же у них там творится?

– Они называют это «беспределом», но перевести это слово на немецкий невозможно.

Художница Эмили спросила, не удалось ли документалисту встретиться с Путиным и попросить его лично о разрешении. Некоторые гости нетактично захихикали.

– Мы послали ему письмо, но он нам не ответил. Хотели на доходы от проката фильма начать кампанию помощи бездомным детям.

Госпожа Рисс спросила, красив ли Санкт-Петербург, и сама же рассказала о своем первом посещении города на Неве тридцать пять лет назад. О том, как сердечно ее принимали ленинградцы. О том, что у нее есть своя версия судьбы Янтарной комнаты, которая якобы хранится в Берлине, под Рейхстагом.

Моя Лили, покраснев и замявшись, спросила сколько стоит входной билет в Эрмитаж. И правда ли, что там сохранился нетронутым зал, в котором заседало

Временное правительство в день большевистского переворота.

Политик Карл ничего не спросил, а проворчал: Вам надо было посмотреть парад на Красной площади... Лучше бы поняли, куда ездили. Вот во времена Аденауэра...

...

Госпожа Рисс пригласила гостей к столу... все были рады прекратить наконец неприятный разговор об этой «ужасной стране и ее несчастных детях» с таким «добрым народом», которой вечно живет «как бесправная скотина».

Похлебали красный борщ со сметаной, прожевали блины из гречневой крупы с тоненькими ломтиками соленой красной рыбы... съели пельмени... выпили по маленькой рюмочке водки...

На десерт подали крепкий «русский» чай (кипяток разливали из купленного во времена ГДР самовара) и крохотные медовые пряники.

После того, как покончили с пряниками, все разбились на группки по интересам, разошлись по углам огромной гостиной и горячо обсуждали что-то, жестикулируя и громко гогоча.

Я сделал глазами знак Лили, жадно расспрашивающей писательницу о ее будущей книге: Не пора ли нам домой?

Потому что давно потерял и энтузиазм и азарт спорщика и тяготился общими интеллигентскими разговорами. Не хотелось больше меряться фаллосами с мужчинами и блистать заемным остроумием перед женщинами...

Хотелось вздремнуть...

Лили бросила на меня рассерженный взгляд, что означало: И не надейся! В кои-то веки выбрались из дома...

Я смирился, сел в старинное кресло с подлокотниками, посмотрел на потолок, по которому бегала от своей тени большая муха и закрыл глаза.

...

Блаженство мое прервал господин Валентин, гипнотизер.

Он сказал: Я заметил, что вы морщились во время речи коллеги режиссера.

Почему?

Пришлось внимательно посмотреть ему в лицо. Усталые умные глаза цвета капусты, римский нос, узкие немецкие губы, морщины, выдающие застарелого

скептика и мизантропа. Породистый человек.

– Потому что...

Я чуть было не сорвался и не начал рассказывать о деятельности «коллеги режиссера» в далеких семидесятых...

– Потому что там, в путинском государстве все гораздо хуже и опаснее... и для населения России и для нас, тут. Надо не помогать злобным безумцам, а вооружаться... Перестать наконец быть экономическим гигантом и политическим карликом... Создать свое атомное оружие сдерживания, починить танки, вернуть першинги... Немецкая беззащитность – приглашение для путинской орды. Но вдолбить это в голову тут никому невозможно. Немцы думают, что они все понимают лучше всех. Даже Россию понимают лучше, чем русские эмигранты, прожившие там десятилетия, и следящие за каждым писком, доносящимся оттуда.

– Ха-ха-ха. Ну что же... я наверное не так самонадеян, как другие... не полнитесь, сформулируйте кратко... что вы думаете о вашей бывшей родине. Орнамент морщин на лице гипнотизера отобразил максимальный градус приветливости. Но губы... губы выдавали его скепсис. Не было никакого интереса к России у этого всезнающего дьявола. И не могло быть.

– Охотно. Место бывшей партийной номенклатуры заняли путинские дружки и гэбисты, чиновники, олигархи... с несметными наворованными богатствами и неслыханной властью в руках. Народ, бывшие «совчелы», ныне называемый «ватой» – нисколько не изменился. Ну разве что – по сравнению с моим временем – наркоты и наркоманов стало в сотню раз больше, чем было при Брежневе, и больных спидом прибавилось на порядки. А так... все по-прежнему. Беззаконие, утеснение, воровство и агрессия сверху... а снизу – блаженная тишина, прерываемая только бульканьем водки, икотой и урчанием голодного брюха да уханьем и стонами драки. Потихоньку начались войны. Попробовали в Грузии, сошло с рук. Откусили у нее территории. Продолжили с Украиной. Империя не может существовать без войн, на которые можно все списать. Им всегда нужно кого-то убивать, понимаете?

Я спрашивал его, хотя знал, что его не интересует то, что я говорю. Говорил и думал: Что ему от меня надо?

– Убивать и грабить... Недалек тот день, когда Россия атакует балтийские страны, Польшу, Румынию... а потом они попрутся и сюда. Если они так жестоки по отношению к своим бездомным, то какими они будут тут? Я все это часто пытался втолковать моим новым согражданам, но мне не верят... только смотрят на меня примерно также как вы сейчас на меня смотрите. Как на очернителя России и фальшивого пророка. Или на идиота...

– Это потому, что... если вы правы, то надо... радикально менять жизнь... и общественную и частную... заново создавать армию, шерстить тайные службы... и продавать акции, пока все не рухнуло. А акции – единственная сейчас возможность получать хоть какие-то деньги, не работая... Никто не хочет отказываться от дивидендов. Гораздо легче считать идиотом вас, чем себя.

– Понятно. Кстати, а вы действительно гипнотизер?

– Да, только я психотерапевт, а не фокусник. Иногда помогаю полиции.

– Это вы к чему?

– К тому, что люди, как узнают, что я гипнотизер, тут же просят показать фокус с «парящей в воздухе женщиной» или загипнотизировать всех так, чтобы начали раздеваться, трястись от холода или болтать вздор...

– А вы это можете?

– Хм...

– Ладно, ладно, не надо никого раздевать... Полиции помогаете? Помогите мне маленькую загадку решить.

Рассказал ему про сапоги с шпорами. Морщины показали понимание и сочувствие.

– С шпорами? Что-то я не помню сапог у входа в дом... Ну и что вы от меня хотите?

– Загипнотизируйте меня и помогите вспомнить, где я эти чертовы сапоги видел. Сможете? Это ведь легче, чем алкаша от водки отвадить или по фотографии определить, где убийца спрятался...

– Давайте попробуем. Только вы не должны внутренне мне противостоять... упираться... наоборот... расслабьтесь... позвольте себя усыпить... а там посмотрим.

Я шепнул несколько слов на ушко Лили (она посмотрела на меня, затем на

господина Валентина своим особенным взглядом и скептически хмыкнула), затем взял под руку госпожу Рисс, отвел ее в сторону и попросил запереть меня и гипнотизера на полчаса в библиотеке. Объяснил, зачем. Она закивала.

– Только, чур, потом расскажете всем нам о результатах! Ужасно интересно.

– Конечно расскажу. Если будет что рассказывать.

– Если ничего не получится, то придумайте что-нибудь экстравагантное. Вы же писатель, это ваша работа. А-то у нас вечер какой-то кислый получился.

Обещаете?

– Обещаю.

...

Дверь за нами закрылась. Замок щелкнул. Мы сели в кресла напротив друг друга. Гипнотизер попросил меня закрыть глаза и ровно и глубоко дышать. Взял своей правой рукой меня за запястье левой руки. Начал считать вслух.

– Один, два, три, четыре, пять...

Голос его звучал как-то странно. Он считал громко и очень медленно... слова произносил торжественно. Как военный диктор – обратный отсчет перед взрывом атомной бомбы...

На «девяти» меня потянуло в сон. А цифру «шестнадцать» я уже не слышал. То ли он действительно меня усыпил, то ли я сам заснул.

Проснулся я между тридцатью четыремя и тридцатью пятью. Открыл глаза...

Господин Валентин все еще держал меня за запястье. Мы по-прежнему сидели напротив друг друга. Только не в креслах, а на казенных металлических стульях!

Между нами стоял длинный стол. Тоже металлический. С фигурными вмятинами и кожаными ремнями для фиксации лежащего на нем человека.

Это что?!

Представил себе, как лежу, связанный, на этом столе. Рядом – хирург в противогазе с маленькой хромированной циркулярной пилой в руках.

– Бу-бу-бу. Потерпите, больно будет не долго! Не дергайте ножками, пациент номер тридцать пять. А не то начнем пилить не поперек, а вдоль...

Мы находились в большой комнате без окон, с широким зеркалом вдоль одной из стен. С пыточным столом посередине.

В этой комнате не было двери!

– И долго я спал? Где это мы? Что это за столик тут? Из концлагеря?

– Спали вы только полминуты. А вот где мы, спросите лучше свое подсознание.

В некотором смысле, мы – внутри вас. В комнате, которую создала ваша память.

Вот вы и скажите, где мы и почему. Столик этот милый – ваша креатура.

Спросите себя, кого вы хотели на нем помучить.

– Никого. Мой садизм – только темно-фиолетовая краска в тексте.

Я встал, потрогал стены.

Закрыв глаза, напрягся... да так сильно, что почувствовал, что что-то сломалось...

Проломил панцирь жука-оленя?

...

Открыл глаза. Господин Валентин пропал.

Я был один в этой жуткой комнате без окон и без дверей.

Если он прав, и все это построила моя память, то... то все тут должно казаться

мне... виртуальным, что ли. А тут – такая пугающая, назойливая даже в синеватом резком свете предметность. Каждую пылинку видно на столе.

Кстати, а откуда свет? Нет ни ламп, ни люстр...

Подошел к зеркалу. Постучал по нему костяшкой указательного пальца.

А потом ударил его головой. Боднул, как теленок.

Зеркало издало такой звук, какой получается когда стучишь по большой двуручной пиле, и она начинает противно вибрировать.

Зачем я ударил зеркало? Заставь дурака богу молиться...

Если я во сне, то мне не должно быть больно. А если меня, пока я спал, приволокли сюда... уж не знаю, кто и как... то больно мне будет и еще как.

Мне было больно. Даже кожу содрал на лбу.

Но с другой стороны, прошептал мне какой-то гадкий голос, это может быть и не боль, а воспоминание о боли... так что ничего ты не определил, ТАК ничего определить нельзя.

– А как можно?

– Сам знаешь.

– Ничего я не знаю.

– Знаешь. Надо умереть. Убить себя. Если очнешься, значит ты был под

гипнозом. А если того, пустота, тогда, извини, подвинься. Что, слабо?

Слабо, слабо.

На что же эта омерзительная комната с интересным столом походит?

Ну да, да, на комнату для допросов. Ты тут кувыркаешься, а на тебя полицейские смотрят с другой стороны зеркала, посмеиваются. Или греи.

Дознаватель говорит с потерпевшей.

– Тот? Внимательно смотрите, не торопитесь! Он насильовал вас. Разве такое чудовище можно с кем-нибудь перепутать? Татуировка на лбу. Машина, а не человек. Посмотрите на его руки, его рубашку, на брюки. Переодеться он бы не успел. Может быть, что-то узнаете.

– Не знаю. Там было темно. Может и он. А может и нет.

...

Тут я посмотрел на свои руки и... не узнал их. Крепче и моложе моих.

Загорелые.

Подбежал еще раз к зеркалу и всмотрелся в отражение.

Так... спокойно... это не я. И не похож.

На лбу у меня вытатуировано число 35. Размером с отпечаток большого пальца.

Высокий, худющий парень, лет на сорок меня моложе. Похож на сына фермера с американского Запада.

Грубые парусиновые штаны, помочи... клетчатая рубашка без воротника.

Жилетка. Сапоги с шпорами.

Кто же я такой?

Пациент тридцать пять?

Я вам сейчас покажу, кто я такой... схватил стул и начал изо всех сил бить им по зеркалу.

Первые два удара оно выдержало, только опять завибрировало гадко, а после третьего удара неожиданно расколосось... осколки усеяли линолеумный пол.

За ним, как я и ожидал, была другая комната. И эта комната была пуста.

Но в этой, второй комнате, была дверь. И дверь эта была полуоткрыта.

Легко, как испуганный олененок, перепрыгнул разделяющую комнаты перегородку. Подлетел к двери.

Открыл ее... и вышел...

Передо мной простиралась долина, на которой паслись тысячи коров...

Несколько десятков ковбоев пытались загнать их в загон.

Звенели цикады, лаяли собаки, бешено мычали коровы...

Солнце палило немилосердно, но мне не было жарко.

Я ловко вскочил на стоящую неподалеку лошадку и поскакал к стаду.

Как долго я был ковбоем – четыре года, четыре месяца или четыре минуты, сказать не могу. Эта жизнь вылетела у меня из головы. Смутно помню, как клеймили телят. Один ковбой сидел на голове у животного, другой держал его за ноги. Третий клеймил раскаленным до красна клеймом. Пахло палеными перьями.

В какой-то момент я опять очутился в той комнате со столом и зеркалом. Все в ней было так, как тогда, когда я там оказался в первый раз – стерильно... чисто...

Стол сиял, как будто его специально к моему приходу отполировали. Линолеум был вымыт. Зеркало не было разбито... два металлических стула стояли напротив друг друга по разные стороны от стола. На одном из них сидел о чем-то глубоко задумавшийся господин Валентин, ничуть за время моего отсутствия не изменившийся, на другом я.

И вот, морщины на лице гипнотизера вдруг ожили и изобразили иронию, и он спросил меня, посмеиваясь: Ну как, покатались на мустангах? Видели страусов и броненосцев?

– В Техасе страусы и броненосцы не водятся.

– Ха-ха... Вы наблюдательны. Похвально. Ну что же, господин странник... Куда подадитесь на этот раз? В кого превратитесь? Вы, признаться, меня очень удивили... Я никак не предполагал, что в вашем подсознании есть место для коров и лошадей... Лассо... револьверы... это так скучно! Был, был у вас в душе какой-то крючочек... может быть особый комплекс или детское воспоминание о Всаднике без головы... Вудли Пойндекстер и Кассий Колхаун... Не спроста вас занесло в Техас. Что-то потянуло вас туда, вниз, как героя «Сердца ангела»

тянуло в Новый Орлеан... И конец этого вашего приключения был похож на конец этого частного детектива, хорошо, что вы его забыли. На да ладно... сапожки ваши мы нашли... и славно. Или, скорее, они, сапожки эти трехцветные, нашли вас. И возбудили в вас ложное воспоминание... породили фантомную жизнь, длящуюся четыре года или четыре мгновения... Да-с. Я не Фрейд и копать в вас не собираюсь. Мало ли что можно в человеке найти? Это ведь свалка! Если охота – занимайтесь этим сами... А теперь, дорогой господин, вынужден вас оставить... Если хотите вернуться в вашу обычную реальность... скажите громко: «Тридцать пятый». И морок кончится. Надеюсь... Только хочу вас предупредить... возвращение это вам не понравится. Вы кажется еще не поняли, что «русский вечер», госпожа Рисс и ее гости, да и вся Россия со всеми ее прелестями – ни в коем случае не более реальны, чем ваши друзья-ковбои и телята, которых вы клеймили...

Проговорив это, гипнотизер исчез.

Осознать сказанное им я был не в состоянии.

Мне даже стало казаться, что этого странного человека и не было тут, в комнате, и все его речи я проговорил себе сам. Проверить свое подозрение я не мог.

Рассиживаться не собирался. Встал и решительно подошел к зеркалу. Не без смущения и страха посмотрел на свое отражение. Боже мой, что это за чудовище?!

Схватил стул и изо всех сил врезал им по зеркалу.

...

Как и было оговорено, через полчаса госпожа Рисс открыла библиотеку, но никого в ней не обнаружила. Обратилась к Лили: Вы знаете, дорогая, у меня что-то вроде дежавю сейчас произошло... какой-то голос мне прошептал, что я должна открыть запертую на ключ библиотеку... Я была уверена, что там находятся гости, попросившие их закрыть на короткое время... А там – никого! Только две мои канарейки спят в клетке.

– Ах, милая, такое бывает в нашем возрасте... Посмотрите, все гости тут... Я так увлеклась беседой с госпожой... о ее новой книге. Ой-ой-ой, уже поздно, мой Вольфганг меня наверное заждался. Пойду потихоньку домой. Спасибо вам за чудесный вечер!

